

Архимандрит ФЕОДОР <А. М. БУХАРЕВ>

Странники

Странники мы в земной жизни потому, что, по словам Апостола Павла, *не имамы zde пребывающаго града, но грядущаго взыскуем* (Евр. 13, 14), — не находим здесь полного и решительного успокоения своему сердцу и уму, совершенного удовлетворения потребностей и стремлений нашего духа; а надеемся и ищем этого удовлетворения и успокоения в открытой славе Христовой, в будущей жизни.

Но при этом не забудем и других слов того же Апостола о верующих: *ктому несте странни и пришельцы, но сожителе святым и приснии — свои Богу* (Еф. 2, 19). Во Христе нам открыта и сообщается верующим сердцам такая любовь Отца Небесного, что мы и в настоящей жизни, в каких бы ни были званиях и состояниях, находимся духовно уже дома — у Отца. Только это пребывание в доме Отца Небесного теперь бывает пока еще по вере и, следовательно, сокровенно, хотя оно есть действительное — в силе и действии самого Св. Духа, Которым *изливается любовь Божия в сердца наша* (Рим. 5, 5).

Мы ожидаем и взыскуем именно полного и торжественного раскрытия для нас любви Отца Небесного в небесном отечестве и в этом отношении странствуем, пока находимся еще в настоящей жизни.

Но из чего грешный человек не делает злоупотребления? Могут быть и бывают вредные крайности и излишества в самой мысли о нашем земном странничестве. Известно, что есть у нас даже какой-то раскол *странников*, которые самую мыслью о небесном отечестве злоупотребляют до того, что бросают занятия, отношения и обязанности настоящей жизни и предаются праздному скитальчеству. И эта ложь нередко дознается самую гибелью людей!..

В предостережение от духа этого раскола *странников*, могущего прирастись и к православным, и в объяснение самую действительностью, каково должно быть и бывает истинно христианское странничество, — расскажем несколько опытов или примеров из жизни таких христиан, которые, странствуя здесь, на земле, умели быть в то же время в доме Отца своего Небесного.

Первый случай, как основание для последующих, возьмем из священной для нас христианской древности. Вот этот случай. Один из великих древних подвижников (св. Макарий Великий) узнал из данного ему откровения, что в духовном совершенстве не только не уступают ему, но еще превышают его две простые женщины в Александрии. Св. угодник Божий, проходивший свое подвижничество под кровом и руководством во Христе Самого Отца Небесного, поспешил поучиться добродетели у указанных ему образцов. И что ж узнает? Это были две замужние жены двух братьев, послушные мужьям — как образу Христова главенства над Церковью, — дружные между собою — как сообщницы одного духа Христовой благодати, — кроткие и скромные пред другими — в тихом сердечном ощущении любви Отца Небесного, простертой ко всем, — живущие в смиренном неведении своего духовного преспеяния — в невидимом охранении и соприсутствии святых ангелов. Это одно из древних подвижнических сказаний; мы только передали его в своих, отчасти пояснительных выражениях; ибо в наше время нужно пояснять многое из того, что так ясно было истинной вере в древности. Но вот подобные примеры и из нашей современной жизни, взятые как из среды людей образованных, так и из простонародья.

Кому Бог дал знать нашего известного мудреца, покойного о. протоиерея, *Феодора Александровича Голубинского*, наставника духовных воспитанников в любомудрии, тот мог или по личным наблюдениям знать, или от знавших слышать, что и ученая, и простая домашняя его жизнь была чудным совмещением — как духовного странничества, так вместе и жительства в доме Отца Небесного. Он умел и других приводить в такое же благодатное настроение духа. В доказательство этого расскажу случай, собственно, из ученой его жизни. Один из его воспитанников, мой товарищ Р.¹, с философским настроением духа, пользовался философскими книгами из библиотеки самого о. протоиерея, профессора Ф. Голубинского. Случилось несчастье, что молодой человек увлекся новейшею германскою философиею ко вреду своей веры. Смущенный и расстроенный в

своим духе, он вынужден был еще до окончания курса оставить Духовную академию; явился к профессору философии, о. протоиерею, проститься, и откровенно высказал ему внутреннее колебание своих мыслей.

Какою горестию и соболезнованием подвинулась душа благочестивого и мудрого о. протоиерея! И в то же время сколько отеческой терпимости и снисхождения к юности выразилось в его беседах с бедным его воспитанником!

«Несколько раз, — так лично рассказывал мне сам Р., — уходил он в свой маленький кабинет. И когда я решился полюбопытствовать, что он там делает, то увидел, что он слезно молится пред иконами». Итак, видно, покойный христианский мудрец живо сознавал, что человеческий разум, находясь и в открытом ему Отцем Небесным свете истины, тем не менее еще странствует и потому нередко испытывает тяжкие беды странничества, достойные не отвержения, а глубокого участия. Он подарил Р. на прощанье и в благословение Псалтырь в русском переводе. Волнение мыслей Р. вначале нимало не утишалось; но видно, и это несомненно, что и молитвенное участие в его положении со стороны любящего и мудрого его наставника также продолжалось неослабно. Впоследствии Р. извещал меня письмом, что еще на пути, именно за чтением подаренной ему Псалтыри, благодать Божия ощутительно коснулась его ума и сердца и мгла недоумений рассеялась от озарившего дух его света истины; он указывал, на какой именно версте совершилась в нем эта дивная духовная перемена, и выражал живое желание облобызать самый столб этой версты. Борьба мыслей повторялась у Р. и после, но внутреннее, опытное дознание силы и света Христовой истины осталось, без сомнения, неискоренимо. Так покойный Голубинский умел молодого человека во время несчастного скитальничества направить домой, к Небесному Отцу.

Скажем несколько слов и о другом духовном страннике, из *сожителей святых и присных Богу*. Это отец *Матфей*, покойный *Ржевский протоиерей* *. В самый год кончины его о Господе (1857 г.), недель за шесть до того, в Ржеве по одному духовно-следственному делу случилось быть о. архимандриту М<акар>ию, бывшему тогда настоятелем Тверского Отроческого <так!> монастыря. О. Матфей имел с ним, можно сказать, предсмертные беседы. Настоятель монастыря говорил благочестивому старцу о недостатке средств к устройению в обители нужных священных вещей, особенно к надлежащему благолепно-

* Нам обещана и полная его биография.

му украшению храмовой иконы Успения Божией Матери, и полагал обратиться с просьбою к православным. Болящий уже старец тихо улыбнулся и с какою-то детскою веселостию, а вместе и с некоторою строгостию сказал: «У вас, видно, Царица-то Небесная бедненькая — не может одеть себя в святой Своей иконе. А вот у нас — посмотрите-ка, какой огромный и богатый дом устроила Себе Матерь Божия!». При этом он имел в виду новосооруженный, при его трудах, величественный кладбищенский храм; и стал потом с живейшею убедительностию говорить, что во внешних — церковных и внутренних — духовных нуждах только бы нам от всего сердца сознать дело, относящееся к славе Господа Бога и Его Пречистой Матери, и затем, не складывая, впрочем, своих рук, отдать его Им же на совершенное: тогда, сверх даже всякого чаяния, будет оно устроиться благоспешно и прекрасно. Он подтверждал это собственными многократными опытами. По его рассуждению, в том и беда наша, что хотим делать все сами собою, а Господу и Пречистой Его Матери ничего почти не даем делать для нас Своею благодатию. Итак, почивший о Господе старец и в продолжение земного своего странствования так же просто, своею верою и любовью, прибегал в духовных нуждах к Господу Богу и к Царице Небесной, как сын к отцу и матери.

В последний раз в своей беседе, начавшейся словом о том, как основалась и распространялась Церковь Христова, отец Матфей в продолжение беседы более и более оживлялся; к концу же беседы лицо его вдруг засияло от духовного движения, как металл, проникнутый огнем. А собеседник его, пораженный необычайным видением, невольно воскликнул: «Батюшка, батюшка! что с вами?» Не сказав ничего прямо в изъяснение сего недоумения, отец Матфей отвечал: «Примите малые — последние эти крупички и от моей духовной трапезы» — и, к удивлению, тут же встал и ушел. Это было на третьей неделе Великого поста, а старец Божий скончался на первых днях Фоминой недели.

Вот что бывает иногда и в наших православных деревнях. В Тверской губернии, в приходе с. Селихова, простой крестьянин по имени *Диомид* среди грубых и тяжелых работ деревенских умел сохранять всегдашнюю духовную радость, выражавшуюся обыкновенно в тихом пении церковных песней; умел и поститься, за что грубый родитель, случалось, бивал его, из опасения, чтобы он не ослабел для работы. Еще в юных своих годах снискал он дар рассуждения о духовной жизни и с разумением дела рассказывал о том, как наставлял его в этом один стари-

чок из духовных, который поистине «сораспинался со Христом» (собственное его выражение!), исполняясь и сгорая любовью к людям, готовую на всякое самопожертвование для их спасения. Диомид, научившись грамоте, любил особенно прислуживать священнослужителям в церкви Божией, с благоговением принося просфоры или с молитвою приготавливая кадило. Тихие его речи и самое безмолвие имели какое-то благодатное влияние на других. Он скончался (25-ти лет) на Светлой неделе, и как будто кто повестил во всем приходе о его смерти, — на его похоронах было несметное множество народа. Не в доме ли у Самого Отца Небесного, открытом Единородным Его Сыном для всех верующих, пребывал и этот деревенский юноша во время странствования своего на земле в низкой доле селянина?..

И что особенно примечательно и для нас, грешных, утешительно и назидательно: бывают везде случаи благодатного возврата в дом Отца из греховного скитальничества. В сельском приходе одна женщина по имени *Елена*, оставшись еще в молодости после мужа, поступившего в военную службу и умершего в этой службе, находилась в незаконной связи с одним зажиточным крестьянином. Оттого ли, что она была добросердечна и милостива к нищим, или потому, что при угрызениях совести сердечно сокрушалась о своем грехе и даже по временам ходила на богомолье к отдаленным святыням, — Господь дивно помиловал грешницу. Сперва наставления благочестивого брата ее, Спиридона, вразумили ее, как пагубны дела ее. Потом в одном монастыре случилось ей видеть монашеское пострижение — и это трогательное духовное зрелище поразило ее до глубины души, возбудив в ней живейшую скорбь о незаконии и вместе — решительное желание исправиться.

Благодать так могущественно воздействовала в ней, что эта слабая женщина умела и сообщника нечистой своей жизни расположить к покаянию, а лично для нее приготовить вериги и, по заключении ее в эти вериги, ключ от них бросить в глубокий колодезь. Между тем она и после оставалась на своем месте, занималась обычными трудами и работами, всегда сохраняла спокойное и светлое настроение духа; только чаще ходила на богомолье по монастырям и, особенно, старалась, как бы в заглаждение прежнего своего греха, с материнскою заботливостью руководить к чистой и честной жизни других женщин и девиц. Она перешла в загробную жизнь 60 лет, украсившись христианскими добродетелями, особенно добросердечным участием в скорбях и нуждах других людей. Благочестивый и чело-

веколубивый дух, каким она отличалась, продолжает жить и взаимно передаваться наследовавшим от нее это духовное сокровище простым деревенским женщинам. Все эти подробности сообщены мне моею родною сестрою — женою священника, бывшего в том приходе.

Так вот как и простые души умеют в своем бедном земном странствовании водворяться дома у всеблагото Отца. И это просто и доступно вере каждого на всех путях жизни, потому что для дарования нам такой благодати был странником на земле, не имевшим, где главы приклонить, — Сам возлюбленный и Единородный Сын Небесного Отца.

Скажу, наконец, во славу Отца Небесного, немного и о покойном моем родителе. Он был диаконом Тверской епархии, в селе Федоровском, и во многих отношениях представлял собою в скромном быту сельского священнослужителя пример земного странника, соблюдающего вместе и благодать пребывания в духовном доме Отца Небесного. В священнослужении благоговение, внимание и строгая верность церковному чину соединялись у него с даром трогательного умиления. Это так живо действовало на поселян, что нередко случалось мне слышать выражение простодушной их благодарности в таких словах: «С тобою, батюшка ты наш, мы, православные, в церкви Божией словно просвещаемся».

Небрежности, неточности и, особенно, неблагоговения не допускал он и в целонедельных служениях, молебнах по домам прихожан, в Пасху или в храмовые праздники. Усердие же его к священнослужению в храме Божиим было таково, что, нередко случалось, и при расстройстве здоровья идет в церковь Божию и служит. Бывало, упрашиваешь его иногда умерить свою ревность, чтобы не усилить болезни; и на это вот что от него услышишь: «Экой ты какой! Ведь видно будет нашим православным, что я служу больной; так один вздохнет за меня пред Богом, другой положит поклончик с словами: дай, Боже, ему доброе здоровье — вот мне Господь и пошлет здоровье!» И по вере его, а вместе, без сомнения, и по молитве любивших его православных, посылалось облегчение его болезни. Однажды у него так заложило уши, что довольно времени он и служил, почти не слыша церковного пения и возгласов священника, и только по навыку и соображению, когда должно диакону действовать или говорить, действовал и говорил за службой. К тому же времени случилось и освящение сельского храма при священнослужении архиерейском. Родитель мой, по своему правилу — неуклоняться от служения до последней возможности,

имел духовное дерзновение не отказаться от участия и в этом великом служении. И Господь утешил его усердие и веру: именно за этим священнослужением снова открылся у него слух. Архидиаконский сан благоговейно и высоко чтит он и в назидание нам, детям, любил рассказывать об архиерейских посещениях нашего села; возвращение своего слуха он отнес также к благодати архиерейского священнослужения. К священникам был он почтителен и послушен, умея, впрочем, совмещать с кротостью надлежащую прямоту и правдивость; причетникам любил помогать в чтении и, особенно, в пении церковном, имея голос приятный и стройный.

Ссор крепко не любил; всегда имел искреннее усердие служить прихожанам в разных их требованиях: оставит, бывало, собственные нужные дела, чтобы написать для какой-нибудь крестьянки письмо к сыну, или прочитать письмо мужа к жене и детям, или заняться какими-нибудь недоразумениями крестьянина в делах свадебных, или сказать какой-либо совет, прочитать молитву при случаях чьей-либо болезни и проч. Любил и умел он сказать к случаю и сердечное слово назидания, поучить того страху Божию, другого почтению к родителям; в одном месте утешался согласием супругов, в другом журил нетрезвых за бесчиние. Особенно он любил детей, и дети также везде его любили.

В своем домашнем кругу он был удивительно тих и кроток, с степенною важностию; мы, дети, любили и боялись его, хотя он вовсе не был строг к нам. Когда мы еще росли, он должен был сам обрабатывать землю; и как все это дело шло у него ровно и тихо! Другие с утешением и назиданием для себя указывали, как он, без работника или работницы, с одними своими детьми, работал в тишине, в порядке, с благодушием, не отставая от прочих многолюдных и крепких здоровьем семей. Всякую нужную для хозяйства вещь умел он, бывало, устроить сам.

Ему всегда обычно было спокойное и светлое расположение духа, выражавшееся добродушными речами. Но при этом и характер человека духовного всегда был виден в нем: это была именно благочестивая, духовная его рассудительность. Бывало, пойдет со мной, маленьким еще мальчиком, в место какой-нибудь сельской работы, начнет разговаривать о чем-нибудь так попросту и незаметно, как десятилетнего отрока заставит думать и рассуждать с ним о чем-нибудь духовном и полезном. Учиться у него было для меня истинное наслаждение; благочестивая отеческая его любовь сделала то, что я сам не видел,

как выучился с понятием читать и церковные, и гражданские книги, какие он давал мне.

Когда по возрасту я просил у него и матери моей благословения поступить в монашество, — он принял эту мою решимость так, как будто сам к тому меня готовил с детства; однако ж любил напоминать мне слово Христово: *никтоже возложь руку на рало, и зря вспять, управлен есть в Царствие Божие* (Лук. 9, 62). «Бывало, — так он говорил при этом, — папешь в поле, — и чуть оглянулся назад на какой-либо крик или почему-либо засмотрелся в сторону, а уж соха и пошла либо так глубоко в землю, что того и гляди — сошник сломается, либо выйдет совсем на верх земли и место останется почти не вспаханным. Таково и *рало*², за которое берутся для Царствия Божия».

Нам, детям, он внушал прибегать в нуждах, особенно, к Божией Матери.

«Вы все были еще крошками, — говорил он однажды мне, — а Бог посетил меня такою болезнью, что уже все отчаялись в моем выздоровлении. И вот, в один день поутру, когда ваша мать ходила за скотом, я кое-как добрался до канонника и в постели начал читать параклис Божией Матери³: *многими содержим напастьми*, и проч. Слезно молил я Заступницу Усердную поднять меня для вас, маленьких. Точно будто Она Сама была при постели и слушала мои вопли. Так дух мой тогда ободрился; здоровье стало поправляться, и я вскоре стал на ноги. Она послала мне здоровье из жалости к вам. Молитесь Ей».

В заключение долгом считаю откровенно сказать и то, что моему родителю, уже в старости, Господь послал кончину, стоившую многих слез моей матери и сестрам: он утонул от судорог, случившихся во время купанья в жаркий день, тогда как при нем находился только один мальчик. Известно, что в простом быту подобный род смерти почитается крайне несчастным; там немногие рассуждают или знают, что даже и святые иные умирали от нечаянных смертных случаев, что несчастная кончина может быть послана и для очищения грехов, а не в одно наказание. Справедливость требует объяснить, что именно такими мыслями много утешил тогда мою мать один простой крестьянин.

Но один из особенно любивших и уважавших покойного — престарелый причетник боялся даже, как после признавался, и молиться о его упокоении. Однако Сам Господь не оставил этого простодушного недоразумения без особенного знаменательного вразумления. Этот самый причетник увидел покойного моего родителя в сновидении, стоящего в светлом диаконском облачении и читающего святое Евангелие; и когда старый при-

четник радостно вскрикнул, спрашивая батюшку, каково ему, — батюшка с любовью взглянул на него и указал на Евангелие. После со слезами пересказывал этот старичок свое сновидение, с верою и упованием поминая покойного, который, надобно сказать, и найден был в воде в положении крестящегося рукою: видно, и в минуту внезапной смерти Господь осенил его духом молитвы. Так и самая мрачная тень смертная не остается без Отеческого свыше призрения на верующих земных странников.

